

Мария Вель

*Пламя страсти в
тени опасности*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария Вель

Пламя страсти в тени опасности

<https://litres.ru/74156227>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пламя страсти в тени опасности — это захватывающий любовный роман, который погружает вас в мир опасных ситуаций и страстных чувств. Главная героиня, оказавшись в центре конфликта с полковником полиции и преступниками, вынуждена бороться за свою жизнь и любовь. В окружении врагов, сложных отношений с дочерью и собственных внутренних конфликтов, она находит в себе силы открыть сердце новым чувствам и верить в счастливый финал. Эта история о страсти, смелости и надежде, которая помогает преодолеть любые преграды.

Мария Вель

Пламя страсти в тени опасности

1. Приехали

– Ну всё, девочки, похоже “приехали”. – торможу, потому что нам наперерез из лесочка выезжает огромный внедорожник. Мотор не глушу.

– Тань, – шепчет Юлька, – а если они нас убьют?

– Ну, знаешь, дорогая моя, – усмехаюсь, глядя на подругу, – одно дело запугивать бывшую жену, а другое дело пойти на убийство трех ее подруг. Это как бы разные статьи.

– Мамочки... какие морды кровожадные... – выглядывает с заднего сидения Зоя, испуганно разглядывая мужиков, которые вылезают из машины. – Точно убьют.

– Без паники, – успокаиваю девчонок, хотя у самой поджилки трясутся от страха. – Сейчас я выйду и поговорю с ними. А ты, Зоя, пересядь за руль. Если что-то пойдёт не так, то разворачивайтесь и уезжайте.

– Тань, ты сдурела? – возмущается Юлька, глядя на меня, как на восьмое чудо света, ну или просто чудо. – Мы тебя одну не бросим!

– Милая моя! – повышаю голос. – У тебя ребенок маленький, а у этой вообще еще никого нет, жить да жить. А у меня

дочь взрослая, не пропадёт, если что. Зоя, давай, пересаживайся.

– Да я же только-только начала на вождение ходить, – включает она заднюю.

– А Юля вообще не умеет. Выбор есть? Выбора нет. Потихонечку, помаленечку. Всё получится. – успокаиваю её и наблюдаю, как к нашей машине направляется здоровенный бугай. – Всё, с богом.

Открыв дверь, ныряю в ночную мглу. Мы находимся на безлюдной темной дороге в окружении густого хвойного леса. Если меня убьют и выбросят в канаву, то, наверное, и найдут-то только по весне.

Идём с мужиком навстречу друг другу. В лунном свете и свете фар всё чётче могу разглядеть его одежду и суровые черты лица. Высокий, бородатый, огромный. Выглядит как скотина, честное слово.

Он даже ещё рот не успел открыть, а мне уже хочется ему в глотку вцепиться. Если это муж нашей подруги, который выкрал ее ребенка и шантажировал им, то, клянусь, ему не поздоровится.

– Анастасия в машине? – хмурится козлина, останавливаясь и запихивая руки в карманы.

– Щас я тебе покажу Анастасию! – рычу, бросаясь на него с кулаками. С воинственным криком пытаюсь вцепиться ногтями в мерзкую физиономию амбала. – Будешь знать, как

слабых обижать!

Наши лица так близко, что я успеваю разглядеть в его черных глазах мелькнувшее недоумение. Одним ловким движением он перехватывает мою руку и выворачивает ее за спину так, что я сгибаюсь пополам. Любая попытка дернуться отзывается острой болью в кисти.

– Тварь, – рычу, вскидывая голову.

– Николай Егорович! – слышу топот ботинок по асфальту, а затем меня оглушает ревом мотора.

Наш жучок свистит шинами и, дернувшись несколько раз, внезапно трогается и быстро едет прямо на нас.

– В стороны! – громко командует амбал и дергает меня к обочине, крепко прижимая к своему телу. Падаем.

Только успеваю заметить, как наша машина втыкается в бочину внедорожника, а потом кубарем качусь в кювет. Охаю от боли в руке, внезапно останавливаясь. Лёжа на спине, вижу над головой небо, сплошь усыпанное звездами, но его тут же закрывает черная тень.

– Кто вы, твою ж мать? – рычит мерзавец, грубо придерживая меня за подбородок и зачем-то оттягивая мне веки. – Какого хера здесь забыли? Иванов, скорую вызывай!

Чувствую, как он подхватывает меня на руки.

– Можешь меня убить, мразь, – усмехаюсь, – но я тебе ничего не скажу!

Достаю из кармана куртки перцовый баллончик, что ношу с собой на всякий случай, и пшикаю ему в морду, проваливаясь в темноту.

2. Курицы

– Танюш, пожалуйста, очнись, – слышу подвывания на разные лады и с трудом открываю глаза.

Лежу в машине на заднем сидении. В салоне темно. Моя голова покоится на коленях у Зои.

– Ну, что, дружище? – раздается откуда-то спереди уже знакомый низкий голос. – Клиент не появился, машина Анастасии приехала, но без нее, а с набором каких-то невменяемых куриц. Две машины в хлам, одна дура чуть шею себе не свернула. Нужен план “Б”... Сейчас дам трубку. Юля кто из вас?

– Я, я Юля, – всхлипывает Юлька и я вижу ее руку, которая тянется за телефоном. – Да?.. Я не знаю, она не сказала. На такси. Да, могу. Сейчас продиктую.

– Павлик... Морозов. – разочарованно хриплю.

– Танюша, ты очнулась?! – радостно вскрикивает Зоя и помогает мне сесть. Теперь понимаю, что нас везут куда-то. За рулем та самая бородатая скотина.

Охаю, покачнувшись от внезапного головокружения.

– Сбрось вызов, – рычу, пытаюсь выхватить у Юльки телефон, но она уворачивается, а я тут же стону от боли в локте. – Предательницы. Сдались на милость врагу!

– Слышь, говорливая, – оборачивается на меня амбал и

несколько секунд пристально смотрит мне в глаза, а потом снова отворачивается на дорогу, – сейчас в багажнике поедешь.

– Танюш, это не муж Насти, – успокаивает меня Зоя, беспокойно заглядывая мне в лицо. – Это свои.

– Не такие уж и свои, раз Настя им ничего не рассказала. – язвлю, но чувствую, как напряжение тут же отпускает, подобно сошедшей с горы лавине.

В зеркало заднего вида снова ловлю на себе хмурый взгляд мужика.

– Не очень-то внушают доверия. – продолжаю, демонстративно разглядывая его в ответ. – Морды какие-то... уголовные.

Николай, кажется, Егорович медленно вдыхает и шарит рукой по пластиковому карману между сидениями. Молча достает пачку сигарет. Прикуривает, глубоко затягивается и шумно выпускает дым в потолок. Салон тут же наполняется резким запахом крепкого табака.

– Да, – забирает мужик у Юльки обратно телефон и прижимает плечом к уху. – Выясняй, а я пока курочек по домам развезу... Должен будешь.

Минут тридцать спустя, он высаживает Юльку и Зою, потому что они живут в одном районе. Я намыливаюсь с ними, потому что мне совсем не улыбается, чтобы эта горилла зна-

ла мой адрес.

– Куда пошла? – рыкает он, оборачиваясь и поймав меня за руку.

– А тебе какое дело? – выдергиваю запястье из его ладони, но задерживаюсь в салоне.

– Большое. Я тебя обязан доставить в приемный, убедить-ся, что ты просто ебанутая, а не в сотрясении дело.

– Хамло, – усмехаюсь презрительно и снова двигаюсь к выходу.

– Танюш, надо бы съездить, – Зоя испуганно прижимает руку к груди, глядя на нашу перепалку.

– Чтобы убедиться, что я ебанутая? – повышаю голос, глядя на нее. – Вы сговорились что ли?

– Мы волнуемся, – выдыхает Зоя и захлопывает дверь перед моим носом.

– Эй! – возмущаюсь, дергая ручку, но внедорожник тут же трогается и двери блокируются.

3. Миротворица

Ошарашенно смотрю вслед двум фигурам.

Предательницы! Оставили меня наедине непонятно с кем! Оборачиваюсь обратно и кошусь на мужика. Он невозмутимо смотрит на дорогу, петляя по узким улочкам. Молчу, понимая, что спорить сейчас бессмысленно. Доедем до больницы и там я спокойно пошлю его нахрен.

Когда внедорожник останавливается практически возле

входа в поликлинику, открываю дверь и выпрыгиваю из высокого салона. Меня тут же кренит куда-то в бок, и я хватаюсь за открытую дверцу, пытаюсь устоять на ногах.

– Допрыгалась? – раздается грубый голос над головой. Мужик подхватывает меня под локоть и притягивает к себе.

– О-ё-ей, – выдыхаю от боли в руке. Даже в глазах темнеет на секунду.

– Что? – перехватывает он меня за талию и склоняется, вглядываясь в лицо.

Стоим с ним в ночной тишине под светом тусклого фонаря. Со стороны, наверное, напоминаем влюбленную парочку. Только вот возраст и локация выдают с потрохами.

– Локоть.

– Да блядь, еще перелома не хватало, – Николай поднимает глаза к фонарю и устало проводит по лицу ладонью.

Успеваю разглядеть, что они у него темно-серые, почти черные. Очень глубокие и выразительные, в обрамлении густых темных ресниц. Красивые глаза. Жаль, что мудака. А еще замечаю несколько красных глубоких царапин от своих ногтей. И, если это и правда ни в чем неповинный мужик, то становится немного стыдно.

В приемном нас привечают практически как родных. Николая Егоровича тут, судя по всему, отлично знают.

– Здорова, – тянет ему руку-молот огромный мужик с видом мясника и добрейшей улыбкой.

Врач, похоже.

– Здоровее видали, – усмехается мой конвоир, отвечая крепким рукопожатием.

Мой взгляд непроизвольно падает на его крупную, жилистую кисть. На безымянном пальце нет кольца. В принципе, не удивительно совершенно. С таким-то характером! “Курицы”!

Неожиданно для себя громко всхрапываю от возмущения и мужчины тут же оборачиваются на меня.

– Твоя красotka? – кивает в мою сторону врач. – Это она тебя так?

– Ответ на оба вопроса: это недоразумение. – хмыкает Николай. – Посмотришь? Сотряс и локоть.

– А, может, не недоразумение, а невероятное приключение? – усмехается мужик и садится передо мной на корточки. – Как звать?

– Татьяна, – улыбаюсь ему.

Несмотря на кровожадный видок, он больше располагает к себе.

– Татьяна, что означает “миротворица”. – улыбается он мне в ответ обворожительно, а со стороны Николая доносится нервный смешок. – Показывай, где болит.

Показываю, насколько могу согнуть руку. Врач согласно кивает, берет меня за предплечье, аккуратно покачивает руку и внезапно дергает ее на себя.

Вскрикиваю, от очередной вспышки перед глазами.

– О, боже! – выдыхаю, но резкая боль, что я испытала, уже улечучивается. – Я чуть не описалась! Вы б хоть предупредили бы!

– Горшок принести? – усмехается Николай.

Бросаю на него недобрый взгляд.

– Родите сначала, а потом шутите на такие темы, – хмурюсь, отворачиваясь обратно к врачу.

– Вывих вправили. – Он достает из кармана фонарик и светит мне в глаза, а потом поднимается и возвращается к шутнику. – В принципе, ничего критичного. Возможно, легкое сотрясение. Лучше бы оставить в стационаре, понаблюдать.

– Да вы что? Мне некогда! У меня годовая проверка на носу! – возмущаюсь. – Если будет хуже, я сама приду.

– “Есть женщины в русских селеньях, их ласково “бабы” зовут”! – восторженно цитирует какой-то знакомый стишок врач. – Тогда придется написать отказ от госпитализации.

– Я бы на твоём месте остался, – скрещивает руки на груди Николай.

– Оставайтесь, я вам не запрещаю, – усмехаюсь, вставая с кушетки, но тут же хватаюсь за стену, потому что немного штормит. – Где подписать?

Хорошо, хоть рука теперь не болит.

Еще минут десять ждем, пока нам отдадут бумаги, а потом выходим на улицу. Ощущение, что я выпила пару бутылок

шампанского в одно лицо.

– Садись, – открывает мне пассажирскую дверь Николай.

– Спасибо, я пройду, – демонстративно прохожу мимо.

– Я тебя не отпускал. – доносится мне в спину.

Вот это наглость! У меня даже дыхание перехватывает от возмущения. Оборачиваюсь.

– А кто ты такой, чтобы что-то мне запрещать?

– Я – полковник полиции. – хмыкает он и в два шага настигает меня, аккуратно, но крепко придерживая под руку.

– А ты, раз здоровая и от госпитализации отказалась, посидишь в обезьяннике. Глядишь, попокладистее станешь.

5. Разные миры

– Так я вам на слово и поверила, – с силой выдергиваю руку и охаю от адской боли. – Рукава!

Вдыхаю ртом воздух, как рыба, хватаюсь за тот же самый локоть.

– Ты идиотка?! – повышает голос Николай, но тут же обреченно вздыхает и подхватывает меня на руки, разворачивается обратно в сторону травмпункта.

– Падре! – кричит он на входе в приемное отделение так громко, что я вздрагиваю.

– Отпевать меня собираетесь? – усмехаюсь и стону от каждого неловкого движения.

– А ты шутница, как я посмотрю? – без тени улыбки отзывается полковник и сажает меня на ту же самую кушетку,

расстегивает на мне куртку.

– Да не может быть? – слышу смех и виновато улыбаюсь, когда из кабинета первичного осмотра с кружкой чая и бутербродом в руках выглядывает тот самый врач.

Падре... Интересно, за что он получил такое прозвище? Внешне вот вообще ни разу на святого не тянет.

– Что случилось?

– Тот же локоть. – разводит руками Николай.

Врач ставит кружку рядом со мной, бутерброд запихивает в рот и держит его зубами, берет мою руку.

– А можно мне в туалет? – сжимаюсь испуганно, но он отрицательно качает головой, и я жмурюсь. Сначала тоненько скулю от страха, потом взываю от боли. Даже слезы наворачиваются на глазах.

– Спасибо, – всхлипываю, прижимая руку к груди, а у самой губы трясутся.

– Давай-ка гипс наложим, – Падре вытаскивает бутер и забирает обратно кружку. – Иначе, боюсь, ты через часок еще раз ко мне приедешь, Татьяна-приключение.

– У меня отчет, – улыбаюсь сквозь силу. – Не приеду.

– Поближе к дому травмпункт найдешь? – усмехается он.

– Это не шутки. Связки порвешь и все. Хотя бы отрез в аптеке купи и носи, когда не делаешь отчет свой.

Киваю, соглашаясь на все, лишь бы не гипс.

– Оформлять будем? – смотрит на врача Николай, а он лишь отмахивается.

– Дайте чай спокойно попить, у меня вся ночь впереди.

– Доброй ночи, – кричу ему вслед, вставая.

– Да что я тебе плохого сделал? – сердито отзывается он уже из кабинета.

Николай усмехается и кивает мне на выход.

– Не желают на дежурствах доброй ночи. Примета плохая. Значит, ночь выдастся беспокойной.

– Я не знала... – вздыхаю. – А вы на дежурстве тоже?

– Как видишь.

– Доброй ночи, Николай Егорович. – улыбаюсь ему, а он закатывает глаза и качает головой.

– У меня уже одна ты за семерых, не переживай. Не подействует.

А жаль.

Кошусь на его внедорожник. С этой стороны отчетливо видна вмятина от нашего жука. Такой же подбитый, как его владелец. Уже ближе к машине нахал без спросу взваливает меня на плечо.

– Что ты делаешь?! – возмущаюсь в его спину.

– Не дергайся, у тебя рука, – усмехается Николай, когда я начинаю елозить, затем открывает дверь и запихивает меня на переднее сидение. – Падре придорожных баб любит, на третий раз тебя точно в стационаре оставит... Хотя... дай

руку.

Замечаю азартный огонь в черных глазах.

– Вы обещали мне обезьянник! – отшатываюсь, прижимая руку крепче к груди, будто он сейчас на полном серьезе начнет меня за нее дергать. Внутри все сжимается от фантомной боли.

Николай лишь тихо посмеивается, глядя на мою реакцию, и захлопывает дверь.

– Шутник, – бурчу себе под нос.

Мы отъезжаем от больницы, и он прикуривает. Салон тут же заполняется дымом. Вот что на улице не курилось человеку? Приоткрываю окно.

– Адрес диктуй.

– Вы что, не помните, где работаете? – язвлю, разглядывая в окно светящиеся вывески. Я, обычно, езжу на метро. Уже и не помню, когда каталась по ночному городу, не считая этого вечера.

– Договорись, блаженная, – усмехается Николай, – я тебя реально в КПЗ посажу.

– Товарищ полковник, – оборачиваюсь к нему и устало улыбаюсь. – У меня дома вечно всем недовольный подросток с переходным возрастом, три кота, соседи-алкаши, которые вечно то орут, то дубасят друг друга. А, и еще коллекторы периодически приходят долги бывшего мужа выбивать. Вы серьезно меня хотите обезьянником напугать? Да оставьте

меня в нем на недельку, пожалуйста! Я хотя бы выплусь!

Николай смотрит на дорогу и ничего не отвечает, поэтому я снова отворачиваюсь к окну. Раздраженно фыркаю, потому что внутри все клокочет.

Нашел, чем пугать, тоже мне. Мужики, в отличие от женщин, живут будто в совершенно другом мире.

В мире всегда готовой еды и стиранных носков. В мире, где все, что он должен – это принести зарплату в семью, а все остальное – забота женщины. Которая, к слову, тоже чаще всего работает. И у которой голова должна болеть исключительно во время месячных.

– В смысле – выбивать? Это же незаконно. – вдруг отзывается Николай.

Ну, точно в разных мирах живем. Вздыхаю, закатывая глаза.

– Да забейте.

Называю адрес жилого комплекса, который находится в паре кварталов от моего дома, и дальше едем в тишине.

Проезжая мимо аптеки, полковник кивает мне на нее.

– Тормознуть за отрезом?

– Я возле дома куплю, – отмахиваюсь.

На самом деле, не до отреза мне сейчас. Мы с девчонками, спасая подругу, собрали все деньги, чтобы ей было на что перебиться первое время. Так что, я до конца месяца на под-

сосо. Спасибо, тетка с деревни маринадов всяких передала как раз, грибов консервированных и картошки. Жить будем.

Когда тормозим возле новеньких многоэтажек, ровно рядом с круглосуточной аптекой, открываю дверь и аккуратно вылезаю из внедорожника.

Бросаю взгляд на Николая и вздыхаю.

– Подождите, пожалуйста, пару минут, – прошу его.

Ухожу в аптеку и покупаю мазь от шрамов, которой сама однажды спаслась от сильного ожога. Возвращаюсь на улицу и стучу в стекло. Полковник опускает его и молча смотрит на меня.

– Извините за царапины. Я правда подумала, что вы – бывший муж Насти. – тяну ему коробочку.

Он берет ее и, усмехнувшись, кивает на руку.

– Отрез где?

– Там нет нужного размера. Завтра привезут. – придумываю на ходу, и сама не понимаю, с чего это я перед ним оправдываюсь, поэтому в конце демонстративно язвлю. – Мне очень приятно, что вы волнуетесь за меня, Николай.

Полковник лишь вздергивает брови, поднимает стекло и трогается с места. Пару секунд смотрю вслед его машине, а затем неторопливо иду в сторону своего дома. До моей пятиэтажки нужно пройти четыре дома.

Ловлю себя на мысли, что почему-то мне хотелось, чтобы он думал, что я живу здесь. И чтобы не знал, что я не

могу сейчас купить этот сраный отрез, который стоит минимум три тысячи, на минуточку, я приценилась. Возможно, потому, что этот Николай ездит на дорогой машине и одет, кажется, довольно дорого. Часы на руке массивные. И самонение у него тоже до небес. Не хотелось рядом с ним показаться какой-то... жалкой, что ли?

Поднимаюсь к себе на третий этаж, на площадке возле пельницы бычки. Слышу громкие разговоры из-за двери соседней квартиры. Я уже привыкла подскакивать от их пьяных воплей, но сегодня я так устала, что, кажется, даже если они мне дверь вынесут, не услышу.

Бросаю ключи на тумбочку и стаскиваю ботинки. На часах в прихожей уже второй час ночи.

– Оль, я дома, – заглядываю к дочери в комнату. Она кивает, не отрываясь от телефона.

– Завтра в колледж.

Снова кивает.

Со вздохом закрываю ее дверь и иду в душ. После заворачиваюсь в махровый халат и падаю на постель. Пишу девочкам, что я почти невредима и ставлю телефон на зарядку. Хочется почитать или посмотреть что-нибудь легкое перед сном, но тогда я просто не встану на работу.

Закрываю глаза и за секунду выключаюсь. Просыпаюсь от громкого смеха и громкого удара соседней двери об мою. Свиньи пьяные расползаются.

Смотрю на время – полседьмого утра. В принципе, можно было бы поспать еще часок, но боюсь проспять, поэтому с трудом заставляю себя встать с кровати.

Щелкаю чайником и, зевая, беру из пачки на комод тонкую сигарету и выхожу на лестничную клетку. У меня ритуал покурить утром перед кофе.

– Доброе утро, соседка, – машет мне Игорек, владелец соседней квартиры. Довольно молодой еще, лет тридцать. Раньше вроде нормальный был, а потом мать умерла, один остался и понесло. За год превратился в непонятно кого. Пьет по-черному. С ним его дружок. Такой же синий.

– Игорь, – хмурюсь, – ну что вы как свиньи? Тут пепельница есть, а вы бычки на пол.

– А это не мы. – кривится он. – Ты видела, что я кидал? Я не кидал. Во! – демонстративно берет банку из-под кукурузы и стряхивает пепел в нее. – Знаешь, что за клевету даже посадить могут?

– Я тебя умоляю, – усмехаюсь, – тут за пьяные дебоши в неположенное время не сажают, а ты меня за клевету решил посадить. Иди, говорю, за веником, свинтус.

Собутыльники что-то бухтят и уходят, а я ногой исшаркиваю бычки в сторону и прикуриваю, глядя в светлеющее окно. Слышу шаги по лестнице и оборачиваюсь. Удивленно замираю и неожиданно для себя краснею, увидев полковника.

Что он тут забыл? Явно же по мою душу. А я даже неумытая спросонья.

6. Суровый

– Здрасьте, – выдыхаю, – вот так встреча.

– Не ожидала? – хмурится Николай и окидывает меня таким взглядом, будто я ему рубль должна. – Или думала, что назовешь адрес левый, а я, лошок, не догадаюсь и не смогу реальный узнать?

– Да почему сразу “лошок”? – смущаюсь, потому что именно так, если честно, и надеялась. – Просто не раздаю незнакомым вредным мужикам свой адрес.

– Мм, – полковник прикуривает сигарету и смотрит на меня сверху вниз с усмешкой. – Вредным?

– Еще скажите, что думали, что другое впечатление успели на меня произвести. – огрызаюсь с улыбкой. – Чем обязана?

Николай протягивает мне пакет.

– Наркотики хотите подбросить? – усмехаюсь.

– Ага, килограмм. – усмехается он в ответ.

Осторожно принимаю из его руки пакет и заглядываю внутрь. Сразу же понимаю, что там лежит.

– Вы сдурели что ли? Я же сказала, что сегодня куплю.

Отрез для локтя мне припер. Сумасшедший.

– Вы, Татьяна, очень похожи на человека, чьи слова с делом расходятся.

– А вам-то какая разница? Мой локоть. Хочу – выворачиваю. Хочу вворачиваю. – тяну ему пакет обратно, но он лишь отрицательно качает головой. – Хорошо, диктуйте номер, я вам денег перекину за него.

– Это подарок, – отмахивается он.

– Ну, спасибо. – растерянно пожимаю плечами и усмехаюсь.

Кому-то цветы и золото дарят, а мне вот... отрез.

– Что такое? – с интересом считывает мою реакцию Николай.

– Осознала, что дожила до того самого возраста, когда подарки становятся менее... романтичными.

– Зато от души, – хмыкает полковник.

– Ну, да, – соглашаюсь.

Я не думаю, что человек, принесший женщине отрез, рассчитывал на секс.

Соседская дверь снова с шумом открывается, грохнув обою.

– Игорь, вы за долбали! – повышаю голос. – Семь утра! Люди спят.

Николай оборачивается на шум и молча разглядывает моих колдырей. Уже трое. Почкуются они там, что ли?

– Та нюха, не бубни, – усмехается он, спускаясь по лестнице. – Много спать вредно. Ты, вон, мужика какого-то уже притащила.

Закашливаюсь от возмущения.

– Ты бы рот закрыл, – прошу его, – это полковник полиции.

– Уууу, продалась, мать? – скалится он. – А менты нам не кенты, лучше в зеки, чем в менты.

Закрываю лицо рукой. Говорит сосед, а стыдно мне.

Но Николай молчит и вообще не вмешивается, будто не замечает сказанного в свой адрес. Лишь достает из кармана чистый носовой платок и зачем-то оборачивает его вокруг ладони.

– Что ты несешь? Ты ж даже не сидел никогда. – убираю руку от лица ровно в тот момент, когда непутевому Игорьку прилетает четкий прямой удар в нос.

Подпрыгиваю от неожиданности, а сосед падает навзничь. Его двое товарищей застывают как статуи.

– Никогда не поздно, – усмехается Николай, снимая с кулака платок и кидая на кашляющего кровью Игоря. – Нос заткни, а то все кровичей тут зальешь. А вы, – переводит он взгляд на его дружков, – приберите тут.

Зачарованно смотрю, как все тут же оживают, подхватывают Игоря под руки и уводят обратно в квартиру, довольно тихо закрыв дверь.

– Кофе сделай, – командует Николай, глядя в телефон. – А то не спал из-за тебя всю ночь.

– Вспоминали обо мне? – усмехаюсь, пораженная его наг-

лостью, и поднимаюсь по лестнице.

– Угу... Врач из травматологии, наверное, тоже тебя вспоминал. Не уверен, что добрыми словами, правда... – полковник хочет сказать что-то еще, но отвлекается на телефон. – Полковник Суровый. Адрес запиши, нужен наряд и личный контроль участкового. Человек желает построить уголовную карьеру.

– Вау, – оборачиваюсь, когда он называет адрес и заканчивает разговор, – Суровый полковник!

– Попетросянь, – без тени улыбки смотрит Николай на меня.

Открываю дверь и захожу в квартиру.

– Николай Суровый звучит почти так, как Иван Грозный. Или Петр Первый.

– Женщина, – обрывает меня он, закрывая за собой дверь и снимая куртку, – ты вообще бесстрашная?

– А вы вчера не заметили? – улыбаюсь, забирая у него куртку из рук и вешая на крючок.

Николай одет в джинсы и тонкий черный свитер, обтягивающий мощные плечи и грудь.

И я немного подвисяю, разглядывая его, потому что... блин, потому что внешне этот мужчина в моем вкусе.

– Проходите, – показываю рукой на кухню. Со вздохом убираю со стола пустые чашки в раковину, забитую посудой. Дочь не помыла, а я даже на кухню не зашла, сразу спать

рухнула от усталости.

Николай споласкивает над этой горой руки и мне стыдно, что он подумает обо мне что-нибудь неприятное. Хотя, у меня дома достаточно чисто и ремонт более-менее. Но раковина эта засратая... Но он будто не замечает.

Шуршу пакетом с растворимым кофе и на звук тут же бегут коты.

– Да подождите вы, это не вам, – усмехаюсь, потому что они начинают орать и путаться под ногами.

Николай наклоняется и берет на руки одного, самого жирного, персикового цвета.

– В ботинки не нассут? – уточняет, устраивая его на руках, почесывая и не отпуская, несмотря на попытки бегства.

– Ну, вообще они чужую обувь не трогают, – пожимаю плечами. – Вам какой кофе?

– Черный, без сахара, горячий.

– Суровый, – киваю.

– Язва. – тут же отзывается полковник и все же отпускает брыкающегося Рыжика, а потом отряхивается от его длинной шерсти.

Ставлю две чашки кофе на стол, в свою доливаю молока.

Достаю из холодильника колбасу и сыр.

– Мне не нужно, – сразу же реагирует Николай.

Убираю обратно, потому что я тоже не завтракаю с утра.

Сажусь напротив мужчины и мы молча пьем кофе.

– Сурово вы с Игорем, – не выдерживаю и вздыхаю.

Полковник приподнимает бровь и молчит.

– Вы же ему нос, наверное, сломали. – поясняю.

– А надо было что? – усмехается он, делая глоток кофе.

– Ну, беседу провести, может?

– Ммм, – снова усмехается Николай. – Это не в моей компетенции. Участковый проведет.

– В вашей компетенции носы ломать? – сверлю его взглядом, склонив голову.

– В моей – преступников в тюрьму сажать. А как это будет достигнуто, вообще никого не волнует.

– Кстати, про Настю ничего не известно? – уточняю у него.

– Про еще одну бесбашенную? – хмыкает и смотрит на часы. – Сейчас как раз поедem выручать.

– А можно с вами? – выдыхаю и Николай давится кофе.

7. Героиня

– Ты сдурела? – тарашит он на меня свои черные глазищи.

– Да что такого-то? – обиженно поджимаю губы. – Посижу тихонько в машине, чтобы не мешать. Я в юности мечтала опером быть. Расследовать преступления, собирать улики.

– Тогда ты хотела быть следователем, – хмыкает Николай, переводя задумчивый взгляд в окно. – А что не поступила?

– Мама не разрешила. А вы – опер? – кошусь на него.

– Опер, – вздыхает так, будто я спросила глупость или уто-

мила его.

– А что вы так вздыхаете? – усмехаюсь.

– У тебя ребенок есть же? – переводит он взгляд на меня.

– Муж был?

– Ну, да, – пожимаю плечами. – А что?

– А то, – хмыкает Николай, залпом допивает кофе и внешне встает из-за стола. – Правильно твоя мать сделала, что не разрешила. Не было бы у тебя никого, даже котов, если бы ты была хорошим следователем. Слишком романтизируете. Спасибо за кофе.

Встаю следом за ним, чтобы проводить.

– Ортез не забудь надеть. – бросает он на ходу.

– Хорошо, – соглашаюсь.

Николай тут же останавливается и оборачивается, смеряя меня подозрительным взглядом.

– Даже не собираешься, да? – усмехается.

– Да надену я, – смущенно опускаю глаза, потому что он будто читает мои мысли. Чувствую себя рядом с ним школьницей, которую учитель подловил на вранье.

– Ммм, – кивает полковник и достает из пакета упаковку с ортезом. – Руку давай.

– Да я сама, – возмущаюсь, но он молча ждет, когда я исполню его приказ. – Да у меня нет ничего под халатом!

Кажется, это сказано было зря, потому что Николай лишь усмехается, дернув бровью.

– Заманчиво. Но сейчас мне нужна только рука.

Вздыхаю и, отвернувшись, вытягиваю руку из рукава, придерживая ворот халата на груди. Не отстанет ведь.

Демонстративно подставляю руку практически ему под нос.

Полковник ловко перехватывает ее за запястье и мягко отводит в сторону, усмехнувшись.

Натягивает мне до середины плеча эластичный рукав, застегивает молнию и фиксирует несколькими ремнями.

Прижимаю к груди согнутую и зафиксированную в локте руку и усмехаюсь.

– Ну и как мне на работу собираться? – недовольно смотрю на Николая.

Нет, его забота мне, конечно, приятна! Обо мне уже сто лет никто не заботился. Но, в ортезе я работать не смогу.

– Мой совет: возьми больничный дня на три. – полковник обувается и тянется за курткой. Усмехаюсь над его словами.

Чуть отшатываюсь, уступая ему место. Жду, когда он достанет свою одежду и отстранится, а он все не отстраняется, да не отстраняется.

Моё лицо так близко к его телу, что я чувствую мужественный аромат парфюма. Он идеально подходит своему владельцу. Древесный, со свежими зелеными нотами.

Поднимаю голову вверх, не понимая, почему Николай застрял, и натываюсь на насмешливый взгляд его выразитель-

ных глаз.

– Ты ж его снимешь, да? – расплываются его губы в улыбке.

– Да неееет, – делаю честные глаза.

Полковник лишь хмыкает, но все же отстраняется. Смотрит на меня серьезно, склонив голову.

– Одевайся, закину тебя в травму. Возьмешь больничный на три дня. Никуда не убежит твой отчёт.

– Да не надо мне, – хмурюсь.

– Жду внизу. – Николай отворачивается и выходит, не слушая моих возражений.

– Вот... баран упрямый! – недовольно выдыхаю и иду в ванную.

Ослабляю ортез так, чтобы рука могла шевелиться и быстро умываюсь. Не привыкла я заставлять людей ждать, а он просто вынудил меня сделать по-своему.

Придется идти из-за него на работу не накрашенной. А я обычно не выхожу из дома без укладки и макияжа. Возраст не позволяет расслабиться.

Вдруг я столкнусь с мужчиной всей своей жизни, а он мимо пройдет, потому что нет уже того юного румянца и блеска в глазах, за который влюбляются с первого взгляда?

Натягиваю пуховик, закрываю дверь и выхожу на улицу,

прижав руку к груди, чтобы Николай не понял, что я жульничаю.

Он курит возле машины и, увидев меня, открывает заднюю дверь внедорожника. Подсаживает, чтобы я не мучилась, пытаясь забраться при помощи одной руки. Чувствую себя пушинкой от того, как ловко он запихивает меня внутрь.

Сам Николай быстро запрыгивает за руль и делает радио погромче. Из динамиков доносится бодрящая танцевальная композиция. Едем молча и я просто смотрю по сторонам, не отвлекая водителя от дороги. Внезапно у него звонит телефон.

– Да, – голос полковника тут же меняется и отдает металлом. – В смысле “упустили”?.. Иванов, твою мать! Вы на все праздники дежурить у меня будете! Быстро на точку и ждите там!.. “Мы не виноваты”, блять!

Последнюю фразу полковник будто говорит сам себе, откладывая телефон в сторону. Он внезапно открывает окно и выставляет на крышу мигалку. Взывает сирена и я чувствую, как машина набирает скорость, а меня вжимает в сидение.

Притаившись, тихо сижу, глядя, как Николай ловко лавирует между потоков машин и пристально смотрит на дорогу, то и дело потирая губы, будто глубоко задумался о чем-то.

Мы выезжаем за город и мчимся по узкой дороге между заснеженного леса. Николай отключает сирену и убирает ее внутрь, прикуривает.

Снова раздается звонок.

– Да!.. – рычит он зло. – Ну надо же! Поздравляю! Не потеряйте больше.

– Извините, – наклоняюсь вперед.

Машина резко виляет, а Николай ошарашенно оборачивается на меня. И тут я четко осознаю, что он про меня... забыл.

– Да твою ж мать, – выдыхает он со стоном и косится на меня таким волчьим взглядом, что становится не по себе.

– Я не хотела вас отвлекать, – покаянно прикладываю ладонь к груди. – Но меня укачивает сзади на дальние расстояния. Можно я аккуратненько перелезу на переднее сидение?

Полковник обреченно взмахивает рукой и молчит.

Упираюсь ладонями в передние сидения и, проявляя чудеса гибкости, перебираюсь вперед. Усаживаюсь, поправляю куртку и молчу, сложив руки на колени, как самая примерная девочка. Смотрю перед собой и делаю вид, что меня тут нет, но внутри все бурлит от восторга.

Я участвую в настоящей операции по задержанию преступника! Да я обожаю любовные остросюжетные романы и сейчас чувствую себя их героиней!

– А перестрелки будут? – не выдерживаю.

Николай сжимает губы и медленно вдыхает, а потом выдыхает.

Быстро отворачиваюсь обратно к окну и смотрю на мелькающие деревья и здания. Лучше не бесить этого нервного мужчину, а то высадит меня посреди леса.

Спустя время начинаю зевать и устраиваюсь поудобнее. Глаза закрываются сами собой. Слушаю глухой шум из-под колес, тихий голос Николая где-то на фоне и спокойную музыку.

Просыпаюсь внезапно, будто кто-то толкнул в плечо. Я в машине одна.

Озираюсь по сторонам. Вижу, как из подъезда какой-то незнакомой пятиэтажки выходит Настя с мужчиной, который несет на руках ее дочь и четырех мужиков, которые спешат к ним навстречу явно не для того, чтобы поздороваться.

– Господи, – выдыхаю испуганно. – Где же Николай?

Понимаю, что одному Настиному ухажеру с этими четырьмя не справиться. А что, если они его изобьют и нападут на Настю? А у нее малышка совсем крохотная, испугается. Нужно срочно что-то придумать. Забрать их к нам в машину, например. Или мне остаться с ними на всякий случай. Если я тихонько выберусь с другой стороны, меня никто не заметит...

8. Истерика

У меня есть правило...

Нет. У меня есть много правил и ни одно не работает рядом с этой сумасшедшей.

Сажу в фургоне ОМОНа, курю и наблюдаю, как задняя дверь моего внедорожника медленно приоткрывается и из нее тихо, как мышка, выбирается недоразумение с красивым именем Татьяна...

– Миротворица, – усмехаюсь, выпуская дым в потолок. – Куда тебя, блять, понесло?

– Николай Егорович, объекты сблизилась. – доносится в рацию.

– Ждем красный флаг, у нас тут гражданский нарисовался. – отзываюсь, не спуская с Татьяны глаз.

Она, пригнувшись и озираясь, перебегает от машины к машине, припаркованных возле дома. Такая незаметная... Понимаю, что бежит на помощь к подруге.

Вздыхаю, качая головой. Ну, пусть лучше с ней посидит, чем, не дай бог, будет под ногами путаться.

– Приготовились, – сообщаю, когда она покидает опасный радиус.

– Драка! – оживает рация.

– Пошли, – толкаю дверь и щелчком отправляю бычок в сугроб.

– На землю, руки за голову! – орет кто-то из омоновцев.

Любители феерии, мать его. Сейчас полдома выползет на нас поглазеть.

Краем глаза вижу, как Татьяна присаживается на корточки и закрывает голову руками.

– Уходят! Лови их! – снова раздаются крики. Вижу, как двое быстро бегут в сторону внедорожника, где сидит женщина моего друга с ребенком.

Видимо, Татьяна понимает, что орали не ей, вскакивает на ноги, испуганно озирается и тоже бросается в сторону его машины. Срываюсь к ней.

Миротворица нос к носу сталкивается с одним из бандюков, взвизгивает и, толкая его так, что он падает, срывается в другую сторону.

– Ложись! – кричу ей и стреляю в воздух, но она лишь снова взвизгивает, пригибается и со всего размаху влетает во второго.

Он ловко разворачивает Татьяну, прижимает ее безмозглую белобрысую голову к себе и приставляет нож к оголенному горлу. Быстро выходит из-за машин и, обернувшись к нам, пятится назад, к выезду со двора.

– Отпусти женщину, – целюсь ему в голову. Ловлю на себе растерянный взгляд Татьяны. Подбегают омовцы с автоматами наперевес и мои ребята. Окружаем беглеца и он останавливается.

– Бросайте оружие или я ей глотку перережу, – обещает громко.

– И? – уточняю с усмешкой. – Срок прибавишь себе только. Или я тебе башку прострелю.

Мое недоразумение бледнеет, а я лишь молюсь, чтобы она не дернулась в сторону пули. Никто из ребят не рискнет стрелять в данной ситуации. Есть высокий риск, что он поранит ей горло.

Отпустить? Не факт, что он оставит ее живой. Блять, нужно было высадить ее сразу, как только заметил, и вызвать такси. Что за баба дурная? Как она живая до сих пор с такой тягой к приключениям?

Бросаю взгляд вниз, рассматривая вариант стрельбы по конечностям. Замечаю, как рука Татьяны аккуратно лезет в карман куртки и вытаскивает что-то маленькое. Щурюсь, чтобы разглядеть. Шокер?

– Не глупи. – делаю вид, что говорю с злоумышленником, но смотрю в глаза Татьяне. – Считаю до пяти. – предупреждаю не его. Ее.

Преступник на счет “три” либо сдастся, либо получит пулю в лоб, потому что на счет “четыре” он выберет самый худший расклад для заложника. Татьяна же на счет “три” замрет и даст мне нормально прицелиться.

– Раз. – Считаю громко и четко. Цифра, потом два выдоха. – Два... Три. – чуть повышаю интонацию, а палец на курке напрягается.

Мужик резко поднимает руки в воздух, а Татьяна оседает на асфальт. В первую секунду кажется, что он все же ранил ее, потому что она хватается за горло и хрипло дышит, но нет. Она просто в состоянии шока.

Секунда – и последний из могижан лежит лицом вниз, а на его запястьях защелкиваются наручники.

Иванов оказывается рядом с моей непутевой пассажиркой первой всех и помогает ей встать.

– Николай Егорович, это же вчерашняя девушка? Это... ваша что ли? – с интересом уточняет он, когда я перехватываю ее за талию и притягиваю к себе.

– Да упаси господь, – усмехаюсь, – в травмпункт не довез просто.

Веду Татьяну в машину. Она то и дело спотыкается, будто пьяная. Не выдерживаю, подхватываю ее и несущу на руках.

– Сиди и ТОЛЬКО ПОПРОБУЙ куда-нибудь выйти! – смотрю на нее сердито, усадив в машину. Кивает.

Замечаю, как ребята пакут злоумышленников в микроавтобус. Быстро иду к Степе и рассматриваю разукрашенного им последнего из шайки. Сразу понятно – это бывший муж.

– Живой? – выдыхаю я с облегчением, глядя на него.

– Это ты за кого сейчас переживаешь? – усмехается друг.

– С подружкой Насти всё нормально?

Я закатываю глаза и тру ладонью лицо, чувствуя, как меня

начинает коротить от упоминания Татьяны.

– Где ты их нашёл? – смотрю на Степу, как на ненормального.

– Где нашёл, там больше нет, – отвечает он, хитро щурясь.
– Так что, если надо, бери сейчас.

– Нет, спасибо, – качаю головой. – Нам в компании и одного ебанутого достаточно.

Ракитин лишь снисходительно усмехается.

Опускаюсь на корточки, чтобы надеть наручники тому, за кем мы гонялись эти два дня.

– Что стоишь? Иди к своей Насте, – бросаю коротко, глядя на друга.

Чувствую, как на тело наваливается усталость. Все же вторые сутки без сна пошли. Теперь организм решил, что можно расслабиться.

– Давай подружку с собой заберу? – предлагает он.

– С Татьяной я сам разберусь, – отмахиваюсь, стараясь скрыть то, что волнуюсь за ее состояние. Лучше я сам все проконтролирую.

– Спасибо, – тянет мне руку Степа, и я замечаю, как его взгляд скользит по моему лицу, останавливаясь на царапинах. – Это она тебя так?

– Должен будешь, – усмехаюсь, поднимаясь на ноги и крепко пожимая его ладонь.

– Слышь, – возмущается, – ты благодаря мне "генерала"

– Тут. Ой. – смотрит она на свою руку, которой все это время свободно шевелила. – Расстегнулся, наверное.

Качаю головой. Вот врет же, зараза. У меня на вранье профессиональный нюх.

– Мамочки, меня ж на работе потеряли! – выдыхает она испуганно, достав из сумки телефон. Быстро что-то печатает на экране.

Итак, похоже истерики не будет. Нужно бы проверить ее на вменяемость. Ни одна нормальная баба после того, как постояла с ножом у горла, так спокойно себя вести не будет. Хотя, какая мне разница?

– Ты как себя чувствуешь? – уточняю на всякий случай.

– Нормально, – отзывается она со вздохом. – Только начальник теперь всю кукушку проест. Все же придется взять справку из травмпункта... Если вы меня до него довезете, конечно.

Хихикает на последних словах и я удивленно смотрю на нее.

– Ты вообще не испугалась, что ли?

– Не, ну испугалась, конечно, – отзывается она. – Но все же уже хорошо.

Качаю головой. Точно с придурью.

– А почему вы мне не разрешили его шокером тряхнуть? – Татьяна поворачивается ко мне полубоком, поудобнее устраиваясь в кресле.

– Он бы тебе перерезал горло, – внимательно смотрю на дорогу, но чувствую, как она сверлит меня взглядом, желая получить подробности.

Вздыхаю и съезжаю на обочину. Ставлю машину на ручник.

– Вот смотри, – разворачиваю ее к себе спиной и прижимаю к груди.

Обхватываю рукой за тонкую шею.

– Представь, что у меня нож. Плотно прижатый к твоему горлу.

Татьяна смотрит на меня снизу вверх и медленно моргает, откинувшись на мое плечо.

– Представила?

– Пока не очень. У вас слишком горячая ладонь.

Смотрю сверху на ее немного расфокусированный взгляд. Все же хапнула адреналинчику. А глаза красивые. Зеленые, выразительные. И едва заметные лучистые морщинки в их уголках говорят о том, что она много улыбается.

– Но я стараюсь, – вырывает Татьяна меня из своих мыслей.

Усмехаюсь, понимая, что немного подвис от того, как доверчиво она расслабилась и растеклась по моей груди.

– Ладно, – нехотя отпускаю ее из своих объятий и снова выезжаю на дорогу, – давай на пальцах тогда. От удара то-

ком мышцы сокращаются, спазмируются и обездвиживаются. То есть, если бы ты ударила преступника в руку, то он бы какое-то время не смог ей пользоваться. Но, наше тело так устроено, что оно машинально попытается уклониться от импульса еще до разряда. То есть, преступник бы обязательно дернулся назад. Отшатнулся, надавил лезвием на твое горло – и прощай, прекрасная Татьяна.

– И что же? Если на тебя напали в темном переулке, нужно просто ждать пока тебя убьют или изнасилуют? – невесело констатирует моя спутница.

– Нужно не ходить по темным переулкам. – смотрю на нее серьезно. – В одиночку, по крайней мере.

Татьяна лишь закатывает глаза.

– Баллончик в данной ситуации был бы безопаснее. – добавляю, помолчав немного. – А идеальный вариант – это если бы кто-то сидел в машине и не высовывался. Да?

– Ну, простите! – недовольно возмущается она, снова развернувшись ко мне. – Я проснулась – а там почти драка. Вас нет. Я решила помочь.

– А, ну да, я же за хлебом собирался, а не подружку твою спасать! – повышаю голос. – Приехал, смотрю, – никого нет. Думаю: дай быстренько в магазин сгоняю, пока не началось.

– Да что вы все злитесь, Николай? – Татьяна говорит это с осуждением, будто это я не прав. – Все же хорошо в итоге.

– Да тебя чуть не убили! – поражаюсь ее наглости. – Ты

мне чуть операцию не сорвала. Опять. Обещала тихонечко посидеть!

– Ну, простите! – повторяет она обиженно и отворачивается.

– Что мне твое “простите”? Должна будешь! – усмехаюсь.

– Могу только натурой, – бурчит себе под нос тихо.

– Ну, натурой, так натурой, – вздыхаю, снова съезжая на обочину.

– Да я пошутила! – Татьяна подпрыгивает, испуганно глядя на меня.

– А я нет. Выходи. – командую и сам тоже вылезая из машины.

Обхожу свой внедорожник, открываю ее дверь. Маню руками к себе.

– Прекратите! – вжимается Татьяна в сидение, но я ловко обхватываю ее за талию и вытаскиваю наружу.

– Да ладно тебе, расслабься. Ты привлекательна. Я – чертовски привлекателен. Не будем терять время. – крепко прижимаю к груди ее невесомое тело.

Она хватается за мои плечи, будто боится упасть. Смотрю в растерянное лицо, и чувствую, как мои губы растягивает самодовольная ухмылка.

– Вам мало царапин на морде? – возмущается мое недоумение, пытаюсь убить меня при помощи взгляда. – Поставьте меня на землю! Циничный, наглый мерзавец!

– Поговори мне тут! – обхожу машину. – Я тебе рот кляпом заткну.

– Я буду кричать! – выдыхает Татьяна, испуганно оборачиваясь в надежде найти поддержку, но мы стоим посреди леса на безлюдной трассе.

– Начинай. – киваю ей. – Я тебя тогда еще и отшлепаю как следует.

10. Иришка

– Помогите! – кричу, что есть силы. Эхо моего голоса тонет между заснеженных деревьев.

– Громче, – подначивает меня полковник с усмешкой.

– Помо!.. – начинаю и тут же сдуваюсь, потому что он сажает меня на водительское сидение и захлопывает дверь прямо перед моим носом.

Ошарашенно смотрю, как Николай снова обходит свою машину и садится на мое место.

– Что такое? – щурится, глядя на меня с язвительной усмешкой на губах и в глазах. – Жизнь тебя к такому не готовила? Поехали.

Он откидывает сидение и устраивается поудобнее.

– Вы спать собрались? – уточняю на всякий случай.

– Ага, – бурчит Николай, протяжно зевая в воротник куртки и закрывая глаза.

– Да я такую махину и не водила никогда, – предупреждаю его, растерянно пододвигая кресло поближе к рулю.

– Тогда не гони, – хмыкает он. – Если кофе захочешь, ко-

шелек в подлокотнике. Едь уже.

Трогаюсь, аккуратно выворачивая руль. Машина едет плавно. Ей даже удобнее управлять, чем Настиным жучком, потому что высокий клиренс дает шикарный обзор. Минут десять спустя я уже абсолютно привыкаю к управлению и расслабляюсь.

То и дело поглядываю на Николая. Он даже спящий весь напряжен. Хмурится. Такое ощущение, что позови шепотом – и он тут же откроет глаза. Интересно, он только сейчас такой, после задания, или всегда? Прямо хочется ему плечи размять, чтобы расслабился немного.

Закатываю глаза сама на себя и, встряхнув головой, стараюсь более внимательно следить за дорогой. Чего это я? Поплыла от наглого, грубого мужика.

Изредка поглядываю на навигатор. Пока что дорога уходит далеко вперед.

У меня муж-объелся-груш сначала тоже был адекватным. Не без прибабахов, конечно, но кто у нас без прибабахов? Работяга обычный. Рукастый. Весь ремонт дома своими руками сделал. Побухивал иногда с друзьями. Гараж, кабаки.

По молодости каждые выходные гулял, потом у нас появилась Оля, друзья тоже остепенились. Притормозил. И, вроде, живи и радуйся, да? А, нет.

Декрет стал для меня сложным периодом в жизни, когда я оказалась в зависимости от человека, который... видимо, просто не потянул. Мне было двадцать пять, ему больше на три года. Мы жили у свекров. Я осталась без работы и обросла бытом, а он стал главным и единственным добытчиком, потому что денег у его родителей мы не брали. И вот тут-то начались проблемы.

Появились укоры. Он меня упрекал, что я не умею распорядиться деньгами, что я непонятно куда их трачу, хотя я все деньги пускала на продукты и дочку, ничего не покупая себе. Что я не вкусно готовлю.

Возможно, муж жаловался на меня маме, потому что из любимой невестушки я незаметно превратилась в приживалку, с которой стали разговаривать через губу. Свекровь ничего мне не говорила, но подкалывала иногда. То выгляжу не очень, то в комнате не прибрано, то сплю долго.

И никто будто бы не хотел замечать, что у Оли очень долго были колики, рано полезли зубы и это все превратилось в затяжной ад с соплями и поносом, в котором я не спала ночами, а только и делала что качала, качала, качала ребенка, чтобы он своим плачем не мешал спать более важным и значимым членам семьи.

Я все больше превращалась в серое оплывшее привидение с синяками под глазами на пол лица, с гулькой на голове и

заторможенной реакцией. У меня появился геморрой после родов, который от постоянного ношения ребенка на руках то и дело воспалялся. У меня просто отваливалась спина и я чувствовала себя не на двадцать с хвостиком, а дряхлой развалиной.

И, конечно же, с сексом в этот период жизни тоже были проблемы. Могла ли я быть задорной и разнообразной в постели, когда единственной моей потребностью и желанной позой был сон? Могла ли я вообще его хотеть?

В то же время, я понимала, что это декрет. Что нам всем тяжело и это обязательно пройдет. Просто нужно потерпеть. “Три года – не десять лет”, – думала я. Но хватило меня ровно на полтора года.

После того, как мой муж пошел встретиться с друзьями, а вернулся пьяный и в трусах наизнанку, началось мое пробуждение из анабиоза.

Те трусы я в итоге простила. Он просто сказал, что, видимо, не заметил и после душа надел их задом наперед. И я поверила. Мне пришлось поверить, чтобы не разрушить семью и не лишиться ребенка отца.

Но, конечно, осадочек остался. Я встряхнулась и поняла, что нужно что-то менять. Что, полностью доверившись мужу, который и сам до конца, видимо, не осознавал, что значит быть главой семьи, я стала очень зависимой и уязвимой.

Подумав, я заявила о решении выйти на работу.

Меня отговаривали, давили на то, что моя дочь еще совсем маленькая, но я уперлась и все равно сделала по-своему. Свекровь уговорила меня не отдавать дочь в садик, вызвалась сидеть с ней. Я согласилась. Прошла бухгалтерские курсы, устроилась на копеечную зарплату в государственную организацию. Начала приводить себя в порядок. С мужем отношения стали потихоньку налаживаться. Единственное, что меня не устраивало – то, как свекровь следила за Олей.

Мультки с утра до вечера, сладости и пища пожирнее, чтобы “спалось крепче” были ее методами заботы. Дочь стала капризной, поправилась и начала часто болеть. Я просила не баловать ее, а свекровь лишь отмахивалась, ведь ей виднее, она двоих воспитала. Но, что я могла предъявить, если сама согласилась на ее помощь? Что такое мультки по сравнению с желанием сохранить семью?

Все, что я могла – снова встать на очередь в детский сад, но мест пока не было. Так мы прожили еще полтора года.

А потом, когда в один из выходных моя кровиночка закатила в магазине истерику из-за того, что я не купила ей ничего, кроме шоколадки, я не выдержала.

Сказала мужу, что хочу жить отдельно. Несмотря на всю благодарность его маме, научиться самим решать свои проблемы. Самим разбираться со своим ребенком. Он снова

обиделся и ушел к друзьям.

Он вообще не любил ничего менять. Его устраивала работа на заводе. Жизнь с родителями, без обязательств. Игры в компьютер по вечерам. И полное отсутствие какого-либо напряжения. И если раньше я воспринимала это как данность, то теперь меня такой расклад абсолютно не устраивал.

Когда он вернулся, я уже решила для себя наверняка, что в ближайшее время перееду. С ним или без него. Потому что я не могла больше жить так, как было удобно ему. Дозрела, может, психологически. А, может, розовые очки, наконец, треснули.

По какому-то невероятному стечению обстоятельств, я почти сразу нашла объявление о работе. В крупную фирму требовался бухгалтер с опытом. Опыта у меня было мало, а вот уверенности в себе – хоть отбавляй. Директор компании лично проводил собеседование. Взял меня сразу же, несмотря на маленький стаж и дочь детсадовского возраста.

Уже потом, спустя пару лет, я поняла, что нравлюсь ему. Мужчина он был очень видный. Красивый, состоятельный, щедрый. Гораздо старше меня. Много раз намекал на то, что готов к чему-то большему, а я делала вид, что не понимаю. С удовольствием общался с Олей, когда я приводила ее на работу, если мы пропускали сад или школу.

Один раз на корпоративе директор так зажал меня в подсобке, что я едва отбилась. А потом долго мучилась совестью, хотя сама никаких попыток обратить на себя его внимание не делала. Даже уволиться хотела, но он порвал мое заявление и сказал, что не тронет больше. И не трогал.

Какой же наивной и честной душой я была!..

Время шло. У нас уже была квартира в кредит, муж сделал в ней хороший ремонт. Мы с ним не то, чтобы были счастливы. Но и плохого ничего не было. Жили... как все.

За это время муж вырос на работе, стал больше общаться в среде начальников и так поверил в себя, что, даже не посоветовавшись, набрал кредитов на бизнес.

Открыл ИП с какими-то новыми друзьями. Почувствовал себя крутым предпринимателем. Ничего мне не рассказывал, потому что не пойму. Стал чаще употреблять выражения, типа “посмотри, кем я стал”. Начал задерживаться на работе, приходиться домой под утро. А потом и вовсе заявился с какой-то молодой сикильдявкой, не сильно старше нашей Оли.

Сказал, что решил начать жизнь с чистого листа, где мне и дочери больше нет места. Собрал вещи под победоносным взглядом своей новой любви и исчез.

Все, что считал своим, он забрал. Кроме кредитов. Только узнала я об этом тогда, когда ко мне ночью пришли два

огромных бугая...

Звук уведомления заставляет машинально посмотреть на экран телефона Николая. Сообщение от какой-то Иришки.

“На обед уже не жду. К ужину ждать?”

11. Инспектор

Усмехаюсь. А я уж было реально подумала, что Николай – свободный мужик. Оказалось – показалось. Ну, что ж, даже с таким отвратительным характером можно найти себе пару.

У моего бывшего мужа тоже был характер не сахар, однако это не мешало мне искренне любить его.

Впереди большой перекрёсток и я, включив поворотник, поворачиваю налево. Неожиданно впереди будто из ниоткуда появляется гаишник и машет мне жезлом съезжать на обочину.

Притормаживаю. Смотрю на спящего полковника и тихонько достаю из подлокотника его кошелек, нахожу там документы на машину. Решаю не будить Николая. Вылезаю из нее и жду спешащего ко мне инспектора. Высокий, кругленький, с бульдожьими щечками.

– Здравствуйте, – протягиваю ему свои права.

– У вас габариты не горят, – бурчит он в ответ и забирает у меня из рук документы.

– Да? – удивляюсь максимально искренне. – Только что

проверяла перед выездом, все работало.

– Угу, – гаишник усмехается.

Он обходит внедорожник и показывает мне на колесо.

– А это что? – уточняет с серьезным лицом.

– Колесо, – пожимаю плечами, подходя ближе.

– Вы видите, что у вас резину жрет? Давайте составлять протокол.

– Какой протокол? – округляю глаза.

– На запрет эксплуатации.

– А можно не нужно? – хмурю брови.

Я готова дать инспектору на лапу. Еще не хватало Николаю штраф принести.

– Пройдемте, – пожимает он плечами и кивает мне на свою машину.

Вздыхаю обреченно и плетусь следом за мужчиной.

Он предлагает мне сесть на заднее сидение. Забираюсь в машину, смотрю на него щенячьими глазами.

– Ну и что мне с вами делать, Татьяна? – задумчиво крутит ручку в руках инспектор.

– Понять и простить? – снова кошу под дурочку.

– Машина у вас дорогая, – усмехается мужик, переведя на меня взгляд и пристально разглядывая. – А сорок тысяч на колеса найти не можете.

– Эмм, – задумчиво пожимаю плечами, – ну...

– Я, конечно, могу закрыть на это глаза... – мнетя он и

до меня наконец доходит, что он согласен на деньги.

Киваю активно.

– Допустим, пять. – сообщает он, а у меня брови лезут на лоб.

Пять тысяч? У меня в кошельке тысяча всего, ну и на карте немного.

– Ладно, три, – видимо, заметив мою реакцию и сжалившись, вздыхает гаишник.

– А по номеру телефона можно? – уточняю, закусив губу.

– Что, с деньгами проблема? – щурится он, снова оглядывая меня.

По мне что, заметно что ли? Я, конечно, не в бутиках одеваюсь, но за собой слежу и выгляжу очень прилично!

Смущенно опускаю глаза и киваю. Даже краснею натурально, потому что не ожидала такой пронизательности.

– Ну, ладно, фиг с тобой. Баба ты красивая. Отпущу тебя.

– Спасибо, – не веря, смотрю на него и губы сами растягиваются в улыбке.

– Отсосешь мне и можешь ехать.

– Что? – переспрашиваю, не поверив своим ушам, а он уже приподнимает задницу, чтобы удобнее было расстегивать ремень на брюках. – Да как вы смеете?!

Разворачиваюсь к двери и хочу открыть ее, чтобы выскочить из машины, но крепкая рука дергает меня за шиворот обратно.

– Пустите! – оборачиваюсь к нему, чтобы вцепиться в гадкую рожу, уже даже целюсь.

Слышу, как открывается дверь за моей спиной, а затем неведомая сила тащит меня наружу. Сопроотивляюсь в первые секунды, но увидев обескураженный взгляд сотрудника, замираю.

Николай выдергивает меня за подмышки и ставит на землю, окидывает хмурым взглядом.

– Я ничего не нарушала, – единственное, что успеваю сказать прежде, чем он садится вместо меня.

– В машину иди, – бросает полковник не глядя, и захлопывает за собой дверь.

Сжимаю сумку крепче и иду в сторону внедорожника. Не выдерживаю и оборачиваюсь на середине пути. Пытаюсь разглядеть, что происходит, но ничего не вижу.

Сейчас полковник заплатит штраф, да еще и моральную компенсацию этой сволочи, а я ведь ничего не сделала! Вздыхаю и снова иду в машину. В конце концов, мог мы выслушать, а не отмахиваться. Сам виноват.

Сажусь на пассажирском, глядя в зеркало. Вижу, как Николай выходит и прикуривает. Неторопливо идет в мою сторону. Подходит, выбрасывает сигарету и молча садится за руль. Трогается, не глядя на меня.

– Много отдали? – не выдерживаю.

Николай усмехается, но молчит. Замечаю несколько капель крови на тыльной стороне его ладони.

– У вас кровь, – киваю.

Полковник бросает на руку взгляд.

– Это не у меня, – снова усмехается. – Достань влажные салфетки из багажника.

12. Ужин

Достаю салфетки и возмущенно таращу на него глаза.

– Дайте угадаю: вы ему нос сломали? – молчит. – У вас что, все проблемы кулаками решаются?

– Татьяна, – Николай повышает голос и даже притормаживает немного, – а у вас?

– А что у меня?

– А у вас как все проблемы решаются?! – рычит он. – Когтями?

– Когтями они создаются, – усмехаюсь, намекая на знакомство с ним.

– Тебя чуть не развели, как лохушку! – продолжает рычать полковник и прикуривает. – Габариты не горят? Колеса стерты? Ты меня не могла разбудить, если в машинах не разбираешься, или тебе нравится приключения на свою задницу находить?!

– А вы что, все слышали? – ахаю. – И не пришли на помощь?

– Не пришел? – выдыхает Николай дым в приоткрытое окно и хмыкает.

– Ну, пришли, но не сразу. – поясняю.

– Ну, так я дал тебе возможность побыть самостоятельной. Понравилось?

– Да мне жалко было вас будить! – вскрикиваю и обиженно отворачиваюсь к окну. – Думала, дам ему пятьсот рублей и он отстанет.

Полковник ничего мне не отвечает. Смотрю в окно и слышу в его телефоне гудки.

– Суровый, – бросает он в трубку. – Какой-то из твоих коlobков мне чуть девочку не обидел... Лично я, блядь, видел. Номер экипажа запиши.

Кошусь на него. Девочку? Это он обо мне? По груди тепло разливается и мне уже не так хочется воевать с Николаем.

Девочкой меня называют только девчонки на работе. От мужчин я уже давно ничего подобного не слышала. А... хочется, блин! Сразу чувствуешь себя такой воздушной и хрупкой. Сразу хочется танцевать и творить что-то сумасбродное...

Вздыхаю, вспоминая, какой зажигалочкой я была в школе и институте. А потом повстречала мужа и все, стала серьезной женщиной. Всю жизнь прожила, пытаюсь чему-то соответствовать.

И целоваться. Очень хочется таких поцелуев, чтобы голову сносило. В подъезде, под дождем, в машине...

– Татьяна, – вырывает меня из раздумий голос.

Оборачиваюсь на Николая и ловлю на себе заинтересованный взгляд. Хочется верить, что заинтересованный, потому что он задерживается на моих глазах чуть дольше, чем обычно.

– Права свои заberi, – хмыкает он и протягивает мне руку. – Если нужны, конечно.

– Спасибо, – забираю пластик и со вздохом убираю в сумку.

Снова отворачиваюсь к окну. Хватит уже слюни пускать на чужого мужика. Его Иришка ждет. Но красивый, гад. Бесспорно красивый. И ведет себя, как мужик. Прямо ух какой!

Фыркаю на себя саму, потому что мысли снова идут не туда.

– Испугалась? – косится на меня полковник.

Оборачиваюсь.

– Чего? – хмурюсь.

– Когда гаишник приставал.

– Так вы и это успели разглядеть? – вздыхаю.

– Нет, можно подумать, я ему морду стал бы бить из-за габаритов и колес, – закатывает глаза Николай. – Я неадекват какой-то в твоих глазах?

Хмыкаю. Ну, с какой стороны посмотреть.

– Ну, не то, чтобы испугалась. Не ожидала, скорее. – игнорирую последний вопрос.

– Ну, да, про испугалась – это я перегнул. – усмехается он. – Спецоперации проводить ты не боишься, а тут всего лишь какое-то домогательство. Спецназ Татьяна.

– Да хватит вам, – качаю головой. – Ну, если нет у нас мужчин, которых можно попросить о помощи, что нам нужно было делать?

– В полицию сообщить, – предлагает полковник свой вариант.

– Николай, такое ощущение, что мы с вами в разных мирах живем, – усмехаюсь. – В моем мире мне бы ответили “когда убьют, тогда и приходите”. Или вы что думаете, что я на соседа не жаловалась? Наряды не вызывала? Вы слишком идеализируете свою профессию. Не все такие, как вы. Далеко не все.

– А какой я? – усмехается полковник, дергая бровью.

“Мужицкий мужик” – проносится в мыслях.

– Отзывчивый, – уточняю, помолчав и подобрав более нейтральное слово. – И я вам правда благодарна и за соседа, и за то, что от гаишника спасли.

– Смешная ты, – губы Николая растягиваются в лучезарной улыбке. – Это я его спасал. Ты бы ему глаза выцарапала. Язвительный гад.

Дарю ему ядовитую улыбку и мы снова замолкаем.

В тишине доезжаем до приемного покоя. Необычного доктора Падре нет, но медсестра выдает мне документы, подтверждающие травму локтя. Отказываюсь от больничного. Завтра уже пойду на работу, некогда мне ерундой заниматься. Хватит с меня приключений.

Вечереет. Николай везет меня в сторону дома.

– Поехали поедим? – внезапно предлагает он, разглядывая вывески ресторанов, которые встречаются по пути. – В какой-нибудь китайский или японский хочешь?

Едва не подпрыгиваю от возмущения, глядя на его невозмутимое лицо.

Вот кобелина!

– А давайте к Иришке на ужин, м? – усмехаюсь.

13. Слабо

Ни единый мускул не дрогнул на его лице. Это же надо быть таким... пуленепробиваемым!

Николай ничего не отвечает, маневрируя между машин. Вообще теряет ко мне всякий интерес, будто меня нет на соседнем сидении.

Видимо, не понравилось? Ну и замечательно!

Столкнувшись с изменой, я очень остро теперь реагирую на всякие знаки внимания от женатых мужиков. Кастрировала бы всех таких... козлов. Вместо того, чтобы лишний раз жене розочку купить, он меня в ресторан зовет.

Сжимаю челюсть крепче, чтобы не вякнуть ничего обидного и не подковырнуть. Все-таки, Николай выручил меня. Спас. Мы не искали общения друг с другом, так само сложилось. Кто-то изменяет целенаправленно. А иногда случается и так, что случайная встреча сносит головы даже самым адекватным. И хорошо, если все заканчивается разовой интрижкой и молчаливым раскаянием со стороны неверного мужа. Но ведь бывает и по-другому.

В любом случае, я не готова стать той самой разовой интрижкой семейного мужика. Да и просто интрижкой не готова. Поклонники – это здорово. Это цветы без повода, горящие глаза и приятные сообщения по утрам. Только вот, ближе к сорока так получается, что холостых поклонников встречается все меньше и меньше. А потом они и вовсе куда-то испаряются.

А потом: здравствуйте, три кота...

Интересно, а какой Николай муж? Он такой хмурый и молчаливый все время потому, что он сейчас на работе? Или потому, что у него такой характер сам по себе? Может ли такой мужчина быть романтичным? Или он привык дома полководить так же, как и на службе?

Задумчиво разглядываю проплывающие мимо витрины. Хмурюсь.

– А куда вы меня везете? – отрываюсь от созерцания окна,

понимая, что мы едем не в сторону моего дома.

– Ну, ты же выбрала ужин с Иришкой, – усмехается полковник, а у меня отъезжает челюсть в бок куда-то.

– Вы в своем уме? – повышаю голос.

Да даже если вдруг Иришка это какая-нибудь родственница, то как он себе представляет наше появление у нее?

– Я – да, а ты? – усмехается Николай снова.

– Вы всех первых встречающих в гости таскаете? – отворачиваюсь к окну.

– Ну, почему? Не всех. Только тех, кто просится.

– Домой меня отвезите, пожалуйста, – хмыкаю. – Я уже устала от этого балагана.

– А я думал, тебе нравятся приключения, – серьезно отзывается полковник, заруливая во двор незнакомой многоэтажки. – Ну, ладно, давай. Это последнее на сегодня. На пошок. Или боишься?

– Думаете, на слабо меня возьмете? – усмехаюсь, обращаясь к нему.

– Я что, похож на любителя в игры играть? – Николай сосредоточенно паркуется на узкой улице и глушит двигатель. – Это ты похожа на любительницу ляпнуть что-нибудь, а потом дать заднюю.

– Да когда это я заднюю давала? – возмущаюсь, вздернув подбородок и глядя на него с вызовом.

– Сейчас, например. – усмехается он.

Закатываю глаза и выбираюсь из машины. К Иришке, так к Иришке. Еще не хватало, чтобы он взял меня на понт, а я испугалась ему на радость. Не дождется!

Идем рядом с Николаем в сторону подъезда. Он выбрасывает окурок в урну и, открыв дверь, галантно пропускает меня вперед.

Поднимаюсь по ступенькам к лифту и нажимаю на кнопку. Делаю вид, что я абсолютно спокойна, но внутри все равно испытываю легкий мандраж.

Лифт останавливается на шестом этаже. Николай выходит первым, а я нехотя плетусь за ним, ругая себя на чем свет стоит. Все-таки поймал меня на слабо, если подумать.

Только вот ему зачем весь этот цирк с конями? Серьезно решил незнакомую тетку с родней познакомить? Или настолько циничный, что даже с женой? Да не, ну не идиот же он. Понимает ведь, что я в теории и отчебучить что-нибудь могу.

Николай звонит в дверь. Значит, ключей у него все же нет и это не его квартира? – анализирую, пытаюсь заранее понять, к чему готовиться.

Дверь спустя несколько секунд распахивается и я из-за спины полковника вижу хрупкую женскую фигуру.

– Привет, – шепечет женщина и обнимает его за шею, ко-

ротко целует в щеку, а затем замечает меня и напрягается.

Стоим и молча смотрим друг на друга.

Хозяйка квартиры примерно моего возраста, темноволосая, смуглая, стройная и довольно милостивая. Она одета в домашний костюм: черные капри и свободная футболка с цветочками. Волосы собраны в пучок. Наверное, хлопотала по хозяйству, потому что вид у нее немного взъерошенный, а в руках полотенце.

– Коля, что же ты не предупредил, что успеешь к ужину, да еще и не один? – охает она, всплеснув руками и отодвигаясь так, чтобы мы поместились в небольшой прихожей. – Мы только поели.

– Потому что я не был уверен, что успею, – миролюбиво отзывается Николай, разуваясь и принимая у меня из рук куртку. – Я тебе вчера рассказывал про задержание, помнишь? Это Татьяна.

– Ой, простите, я не представилась, – смотрит на меня хозяйка встревоженно. – Ирина.

– Очень приятно, – отвечаю ей, пытаюсь искренне улыбнуться, но, как мне кажется, выходит натянуто. – Простите, что без приглашения.

– Проходите на кухню, – отодвигается хозяйка, пропуская меня вперед. – На ужин плов. Еще горячий.

Чувствуя себя, мягко говоря, странно, захожу на простор-

ную кухню. Чистота. Ремонт хороший. Бытовая техника современная.

– Можно руки сполоснуть? – уточняю.

– Да, конечно, конечно. – суетится Ирина, доставая тарелки и отодвигаясь в сторону.

– А где Тимон? – заглядывает в дверь Николай.

– На горшке, – улыбается она, глядя на него через плечо.

Полковник кивает и, бросив на меня короткий взгляд, уходит.

Кто такой Тимон? Муж? Брат? Сын?.. Кот? Я все еще не понимаю, кто они друг другу.

Ирина раскладывает по тарелкам плов.

– Может, вам помочь? – уточняю, переминаясь с ноги на ногу и не зная, куда себя деть.

– Ой, если не трудно, достаньте из холодильника салат. – отзывается она. – Чай или кофе будете?

– Кофе можно было бы. – киваю и Ирина тут же щелкает электрическим чайником.

Все ее движения четкие, слаженные. Она будто танцует по кухне. Но все же в ее коротких взглядах на меня я то и дело замечаю беспокойство.

– Да вы присаживайтесь, – Ирина приглашает меня за стол и я покорно сажусь. – Коля мне рассказывал про вас.

– Что? – уточняю севшим голосом.

Наверное, мало приятного наблюдать перед собой тетку, которая расцарапала твоему мужу морду. Я бы тоже в таком случае косилась, как минимум.

– Что они в засаде ждали каких-то бандитов, а приехали три девушки за рулем. – улыбается она, а затем хмурится. – Вам, наверное, страшно было?

Смотрю на этот божий одуванчик и поверить не могу, что она так просто привечает в своем доме незнакомую бабу.

– Немного, – пожимаю плечами. – Я Николая за бандита приняла.

– Ой, вы не подумайте, – шепчет Ирина и доверительно накрывает своей рукой мою. – Коля очень хороший. Очень добрый.

Снова растягиваю губы в неестественной улыбке. Мы сейчас точно про одного и того же Колю говорим? Хотя, может она и не знает, что ее мужик налево и направо носы ломает.

– Просто работа у него сложная. Обязывает. – добавляет она со вздохом и садится напротив меня. – Хотите, я маринованных огурчиков открою?

Киваю и она тут же встает. Выдыхаю медленно, прикрыв глаза.

Милая моя Ирина! Все, что я сейчас хочу – сбежать отсюда побыстрее! Надо было не вестись на провокацию этого хитрого жука.

Слышу шум в коридоре и открываю веки. В дверном проеме толкаются двое мальчишек, лет по четырнадцать-пятнадцать. Близнецы. Тоже темноглазые и темноволосые.

– Здрасьте, – хором басят они ломающимися голосами и ныряют в холодильник.

– Так, кыш отсюда! – ругается Ирина. – У нас гости. А вы только ели.

– Что, злая мать на кухне? – слышу усмешку Николая из коридора, когда они уходят, схватив из холодильника по яблоку.

Он возвращается на кухню и садится за стол. Берет вилку и пробует плов.

– Вкусно, Ириш, – бросает, не глядя на женщину, и пристально смотрит на меня. – Как вам ужин, Татьяна?

– Прекрасно! – гляжу на него, как на блаженного. – И очень вкусно! Я, к сожалению, плов не умею готовить. Всегда то мясо пригорит, то рис разварится.

– Так приходите к нам, я вас научу, – искренне улыбается Ирина и ставит на стол тарелку с маринованными огурчиками и помидорчиками.

А, может, они свингеры?

Перестаю жевать, ошарашенная этой мыслью, и подозрительно щурюсь на Николая.

– Что такое? – отзывается он, поймав мой взгляд.

– Вспомнилось просто, – отмахиваюсь.

– Татьяна, какой вам кофе? – Ирина достает чашки.

– С молоком, без сахара, – отзывается Николай вместо меня.

Зачем? Почему он отвечает за меня? Ирина же тогда явно поймет, что мы пили вместе кофе! Для чего ему все это? Жену позлить за мой счет? Нет уж, увольте! Я не собираюсь играть в его игры! Пора заканчивать.

Только откладывая вилку и открываю рот, чтобы извиниться, встать и уйти, как в кухню забегает темноволосый и темноглазый мальчишка лет пяти.

– Папа! – бросается он Николаю на шею.

14. Подлец

Завороженно наблюдаю, как суровое лицо полковника преобразается за считанные секунды. Вижу на его губах искреннюю улыбку, когда он с легкостью подхватывает сына одной рукой и сажает к себе на колени.

– Привет, малыш, как дела? – Николай коротко целует мальчишку в макушку и, будто немного смущается, увидев мой ошалелый взгляд. – Поздоровайся, у нас гости.

– Привет, – бойко отзывается парень. – Меня Тимон зовут. Вы с папиной работы?

– Привет, я – Таня. – тяну ему ладонь и он крепко пожимает мне ее двумя руками. – Ого, какой ты сильный.

– Тим, во-первых, не “привет”, а “здравствуйте”, – поправляет его полковник спокойно. – А, во-вторых, не Тимон, а Тимофей.

– Здравствуйте, меня зовут Тимофей, – исправляется мальчишка и первый тянет мне руку.

– Здравствуйте, Тимофей, – отзываюсь по-деловому серьезно и снова жму его ладонь. – Я – Татьяна. Но можно звать меня Таня.

– А меня – Тимон. – радостно улыбается он и Николай усмежается. – А вы с папиной работы?

– Нуу, – растерянно смотрю на полковника, – почти.

– Таня со мной преступника ловила. На живца. – хмыкает Николай и смотрит на меня смеющимся взглядом.

Наблюдаю, как он ловко управляет одной рукой с пловом и беру хрустящий огурец.

– А кто был живцом? – заинтересованно уточняет Тимон.

– Таня.

– Ого! – уважительно тянет мальчишка.

– Господи, ужас какой, – вздыхает Ирина, ставит чашки на стол и садится к нам. – Как вы на это согласились?

Смотрю на женщину и хочется взять салфетку и протереть нимб над ее головой.

– Так исторически сложилось, – усмехаюсь.

Ну, не сообщать же им, в самом деле, как все случилось.

– И что, поймали? – парень льнет к Николаю и, положив голову на массивное плечо, ковыряет маленькую вышивку на свитере отца в районе груди.

– Поймали. – отзывается полковник.

– И что, теперь ты будешь вовремя приходить домой? Как сегодня?

Николай вздыхает, прижимая сына крепче, и немного медлит с ответом.

– Ну, я же еще не всех поймал, Тим. – качает головой. – Постараюсь поменьше задерживаться.

Смотрю на мальчишку и он мне кажется взрослым не по годам. Четкая речь, спокойный. Ну, вылитый Николай.

– Вот когда я стану начальником полиции, я издам закон, который запрещает работать после обеда, – вздыхает Тимофей в ответ отцу.

– Тимофей, а давай ты станешь президентом, а? – усмехаюсь. – Я тоже не хочу работать после обеда.

– А девочки вообще работать не должны. – смотрит он на меня так, будто сообщает прописную истину.

– Все, – прикладываю руку к груди. – Я первая за тебя голосовать пойду.

Полковник ухмыляется.

Интересно, это с его подачи у парня такие мысли? Мама не работает, получается? Ну, да, куда уж ей с тремя пацанами и мужем, который вечно на службе пропадает, одной хозяйство тянуть, да еще и работать?

– Какая вы молодец, – улыбаюсь Ирине в этот раз абсолютно искренне. – Плов очень вкусный. И маринады – отвал

башки.

– Отвал башки, – повторяет за мной Тимон и хихикает. – Это что значит? Съел и голова отвалилась?

– Это значит очень-очень вкусно. – тут же отзывается Николай.

– Я сейчас вам еще положу, – моментально реагирует хозяйка.

– Ой, нет, спасибо, – останавливаю я ее и допиваю кофе. – Я объелась.

– Пирог, – стонет Ирина, закрывая лицо рукой. – Я забыла, что у нас есть пирог.

– Он в меня не влез бы, честно. – успокаиваю ее и достаю телефон, чтобы вызвать такси. – Большое спасибо вам за ужин, но мне уже пора.

– Тогда я вам с собой положу, – не унимается Ирина и тут же начинает искать, во что положить пирог. – Фольга закончилась.

– В контейнер мой положи, он как раз по размеру, – предлагает полковник и смотрит на меня. – Я тебя доведу.

– Не нужно, спасибо. – бросаю на него осуждающий взгляд. – Я на такси.

– Я не уверен, что ты доберешься в целости с такой везучестью, – хмурится Николай.

– Доберусь я, не переживайте, – усмехаюсь. – Сорок лет как-то же выживала.

“До вашего появления” – хочется добавить, но сдерживаюсь.

– А ты еще придешь? – наивно хлопает длинными ресницами Тимофей.

– “Вы”. – поправляет его Николай между делом.

– Ко мне можно на “ты”, – улыбаюсь и подмигиваю мальчишке. – Как же я не приду? Мне теперь нужно следить за тем, чтобы ты президентом стал. Я очень хочу короткий рабочий день.

Господи, знал бы ты, малыш, кого в гости зазываешь. Николая в этот момент хочется прибить особенно сильно.

Встаю из-за стола, убираю за собой посуду в раковину.

– Вы все? – уточняю у отца семейства, показывая на пустую тарелку.

Он кивает и я забираю и ее. Беру губку и включаю воду.

– Да что вы? Я сама. – бросается ко мне Ирина.

– Мне не трудно, – улыбаюсь ей, натирая тарелки пеной.
– Как раз время до такси скоротаю.

Хоть как-то этой несчастной сделаю приятно. А то чувствую себя змеей, пригретой на груди.

Быстро расправляюсь с посудой, вытираю руки.

– Все, – рапортую с улыбкой. – Я пошла.

Не дожидаясь ответа, ухожу в коридор и натягиваю ботинки. Николай с сыном на руках выходит следом за мной, за

их спиной маячит хозяйка очага. Полковник снимает куртку с вешалки и подает мне. Надеваю ее и замираю, глядя на провожающих.

– Большое спасибо за ужин. Была рада познакомиться.

– Спасибо, что пришли. – Ирина тянет мне пакет с контейнером. – Пирог.

– Точно, – улыбаюсь и беру пакет. – Всего хорошего. Еще раз спасибо. Тимон, я помню про твое обещание.

Мальчишка прикладывает ладонь к виску и салютует мне.

– Тим, иди поиграй, я скоро приду. Таню провожу. – выдает Николай, спуская сына с рук.

Обреченно вздыхаю. Неугомонный мужик. Мне кажется, по моему виду прекрасно было понятно, что ему ничего не светит. Неужели, так сложно принять это?

Выхожу в подъезд и нажимаю кнопку лифта. Полковник выходит следом, прикрывая дверь. Молчим.

Уже когда выходим на улицу, Николай прикуривает и кивает на свою машину.

– Поехали, довезу.

– Николай, – смотрю на него, подбирая слова. – Вас сын дома не видит. А вы, вместо того, чтобы пораньше с работы прийти, мало того, что в ресторан собирались, так еще и сейчас опять хотите из дома слинять. Не стыдно?

Полковник удивленно дергает бровями и молчит.

– Еще и меня к детям приперли! – продолжаю возмущать-

ся. – Я даже... шоколадку им не подарила!

– Во-первых, – усмехается Николай и тянет руки к моему воротнику.

Пытаюсь отстраниться, но он дергает меня на себя, а затем застегивает его сильнее.

– Застегнись, а то шею простудишь. Во-вторых, я в ресторане сто лет не был, и, если бы не ты, сидел бы сейчас на работе. В-третьих, в шоколадках у них дефицита нет, но можешь в следующий раз подарить.

– Да не будет никакого следующего раза! – повышаю голос и отстраняюсь. – Вы давно жене цветы покупали?

– Никогда, – качает полковник головой.

– Пф! – закатываю глаза. – Вам самому не стыдно? Начните уже. Она вон, – трясу пакетом, – вас пирогами кормит!

Оборачиваюсь на звук подъезжающей машины. Такси.

– Всего доброго, – кидаю короткий взгляд на полковника и делаю шаг в сторону, как вдруг какая-то неведомая сила разворачивает меня и бросает к нему в объятия. – Что вы делаете?

Дергаюсь в руках Николая как в стальном обруче.

Он будто играючи придерживает меня ладонью за подбородок и внезапно накрывает мои губы своими.

Мычу и брыкаюсь, когда его наглый язык проникает в мой

рот и наводит там настоящее бесчинство.

Я бы уже растаяла, наверное, от такого горячего поцелуя, если бы мы не стояли под окнами дома, в котором живёт семья этого негодяя.

Николай отстраняется от моих губ только тогда, когда мои колени неожиданно подкашиваются и я оступаюсь. Голова кружится.

– Вы подлец, – выдыхаю испуганно и даю Николаю звонкую пощечину, а затем почти бегом направляюсь к такси, вытирая горящие от жесткой щетины губы.

Падаю в машину на заднее сидение и вижу, как полковник усмехается и провожает меня пристальным взглядом.

15. Доброе утро

Я возмущена! До глубины души!

То и дело закатываю глаза и тяжело вздыхаю, вспоминая все, что произошло за день. Это ж надо быть... ТАКИМ! Наглый, циничный гад!

А сынишка какой у него прекрасный. Умненький и спокойный. И как вот из таких прекрасных деток вырастают разбалованные, вечно всем недовольные подростки?

Расплатившись с водителем, смотрю на окна своей квартиры. Оля дома.

Что я сделала не так? Где просчиталась? Почему единственная, залюбленная дочь сейчас ведет себя так, будто я – не та мамочка, которая ей сказки на ночь читала и делала

все, чтобы ее девочка ни в чем не нуждалась, а какая-то злая ведьма, держащая ее в заточении?

Нет, я конечно знаю про переходный возраст, но иногда мне кажется, что мою настоящую Олю украли инопланетяне и подменили на жестокую язвительную копию.

Иногда даже домой идти не хочется.

Поднимаюсь на свой этаж и отмечаю, что в квартире у алкашей тишина. Захожу домой, включаю свет на кухне. Коты встречают меня воплями. Посуда как лежала в раковине, так и лежит горой.

– Оль, – захожу в комнату. – Неужели так трудно было посуду помыть?

Дочь нехотя отрывается от телефона и вытаскивает из уха наушник.

– А?

– Как дела в школе, говорю? – вздыхаю.

– Нормально.

– Ты ела что-нибудь? Меня пирогом угостили, на кухне в контейнере стоит.

– Мы с девочками в пиццерию ходили.

– Котов кормила?

– Они не просили.

– Помой посуду, пожалуйста.

– Попозже.

– Угу, – закатываю глаза и ухожу.

Переодевшись в халат, снимаю с себя надоевший за день ортез, закидываю вещи в стирку и возвращаюсь на кухню.

Коты орут и путаются под ногами.

– Все мать ждали? – вздыхаю и достаю корм, насыпаю в миски.

В два захода мою посуду, мыслями то и дело возвращаясь к Николаю. В раздумьях о нем, навожу чистоту на столах, раскладываю вещи по местам и спустя полчаса на кухне царит идеальный порядок. Вот что, так сложно? Наливаю кружку кофе и отрезаю себе кусок пирога с повидлом. Вкусно.

Листаю ленту новостей, когда приходит сообщение от незнакомого номера. “Ты дома?”. Замираю на мгновение, но потом понимаю, что да, если уж Николай узнал мой адрес, то и с телефончиком тоже проблем не возникло.

“Дома” – пишу в том же духе ответ и снова читаю новости и смотрю видосики. Но сама, нет-нет, да и ловлю себя на мысли, что жду новое сообщение.

Злюсь на себя. И на него тоже злюсь. На поцелуй его дурацкий, при воспоминании о котором низ живота сладко тянет.

Я – женщина. В самом соку. И кто бы только знал, как мне хочется горячего, страстного секса! Проблема лишь в том, что не с кем. И, на самом деле, не потому, что никто не клюет. Клюют. Но не те. А бы с кем... не хочется.

И сошлись же звезды на этом кобеле!

Поймав себя на том, что в который раз вожу пальцем по экрану в ожидании ответа, заставляю себя подняться, убрать пирог и пойти в душ.

Но после ванной неведомая сила все равно тянет меня к телефону, а сердце екает, когда я вижу новое входящее.

Открываю переписку и вижу, что было два сообщения. Первое удалено. Второе – “Доброй ночи”.

Ааааа!

Бросаю телефон на кровать и обиженно отворачиваюсь от него. Вот, что было в первом сообщении? Я же теперь от любопытства умру!

Бесит. Бесит то, что зацепил!

Переодеваюсь в домашнее платье-футболку, но перед этим кручусь перед зеркальным шкафом. Отражение меня не то, чтобы не радует. Для сорока я выгляжу просто отлично. В одежде так вообще красotka. Без одежды заметна парочка лишних килограмм.

Щипаю себя за живот и бочка, поворачиваюсь к зеркалу спиной.

Да, и задницу было бы неплохо подтянуть.

– Оль, – захожу к дочке в комнату и сажусь к ней на кровать.

Она закатывает глаза и вынимает наушник из уха.

– Оль, а какие сейчас популярные диеты есть? Или, может, упражнения эффективные.

Оля растерянно хлопает глазами, а потом хмурится.

– А тебе зачем?

– Ну, похудеть хочу. В порядок себя привести.

– У тебя появился кто-то? – приподнимает бровь.

– Неет, – прикладываю ладонь к груди. – Просто весна скоро. А у меня бока выпирают.

– Ммм, – вздыхает. – Завтра спрошу у Янки, она у нас гуру по похудению.

– А сейчас можешь узнать? – нетерпеливо ерзаю на кровати.

– Позже, я занята.

– А, ну да, я поняла. После того, как посуду помоешь. – усмехаюсь и встаю с кровати.

– Да помою я. – дочь раздраженно цокает языком.

– Да я уже сама справилась, спасибо, – бросаю на ходу.

Залезаю на кровать, включаю канал с романтическими сериалами и руки сами тянутся проверить, не написал ли еще чего виновник моего внепланового похудения.

С одной стороны, я понимаю, что мы не будем общаться, и отвечать я ему ничего не буду, но одновременно с этим моя бурная фантазия предлагает мне столько сюжетов развития событий, что в пору самой сценарий для сериала писать.

И ведь отмахиваюсь от этих мыслей, а они все равно упрямо в голову лезут. Бесит аж.

Что за сообщение удалил Николай? Это ж какое свинство! Нужно тоже ему что-нибудь написать в ответ и удалить тут же. Пусть мучается в догадках.

Вздыхнув, набираю в поисковике “быстрые и эффективные диеты” и на пару часов выпадаю из жизни, изучая тонны информации. Прихожу в себя, когда часы уже показывают полночь. Откладываю телефон и выключаю телевизор. Нужно спать, но я еще долго ворочаюсь, прежде, чем провалиться в сон.

А утром глаза сами распахиваются в семь без будильника. И это не от того, что шумят соседи. А я просто выпалась.

Чувствую, что нахожусь на каком-то странном душевном подъеме. Распахиваю шторы и потягиваюсь так, что мышцы немного сводит. Впервые за несколько лет делаю зарядку, хотя с моей сидячей работой она необходима ежедневно.

Кормлю котов, щелкаю чайником и вместо того, чтобы сходить покурить, иду в душ и делаю себе массаж проблемных зон и масочку.

– Ох, Татьяна, – смотрю на себя в зеркало, массируя лицо.
– Неспроста это все. Точно ранняя весна будет.

Сразу же крашусь и укладываюсь, забыв про кофе. Выби-

раю, что надеть. Взгляд падает на облегающее красное платье. Я его давно не носила, предпочитая более свободные фасоны из-за выросших боков. Но душа требует сочных красок и я вспоминаю, что есть у меня крайне нужная в женском гардеробе вещь, именуемая корректирующее белье.

Перерыв полку, нахожу утягивающие трусики и бюстик в тон. Попыхтев, впихиваюсь в утяжку и надеваю платье. Сидит как влитое, только на бедрах немного натянулось.

Пшикаюсь любимыми духами и подкрашиваю губы красной помадой. Всегда выгляжу хорошо, но сегодня прям вау! Будто у меня праздник.

Примеряю шубку из искусственного меха. Она не очень теплая, зато смотрится элегантно и дорого. Правда, тоже немного тесновата в плечах, что еще больше подстегивает похудеть на пяток килограмм.

Сбрасываю ее на кровать и вижу, что телефон мигает сообщением. Закусываю губу и читаю.

“Заеду в восемь за контейнером. Ставь чайник.”

Ах, он хитрый гад! “Положи в мой контейнер, он как раз по размеру”!

Смотрю на время, а уже восемь! Я возмущена такой наглостью, но почему-то внутри все трепещет от волнения.

Достаю пирог из холодильника и перекладываю в тарелку. Быстро мою тару и насухо вытираю полотенцем, убираю в пакет. Снова щелкаю остывший чайник, но не для того, чтобы поить Николая кофе. Не пушу его. Это для меня. А он пусть дома пьет.

Вздрагиваю от стука в дверь.

Судорожно выдохнув, беру в руки контейнер и иду открывать.

Полковник шагает внутрь едва я распахиваю ее. Я даже теряюсь от такой наглости и забываю всю заготовленную гневную речь.

– Доброе утро, – усмехается он и быстро пробегает по мне глазами.

Вижу, отчетливо вижу в его котовьем взгляде интерес. Надеюсь, он не думает, что я ради него так вырядилась?

– Еще недавно было добрым, – ехидно улыбаюсь и тяну ему контейнер. – Вас что, дома с утра не кормят?

– У меня утро с четырех, – хмыкает полковник, отставляя его на тумбочку, и вешает куртку. – С задержания ехал как раз мимо тебя.

– И почему вы, с таким высоким званием, сами на задержания мотаетесь? – охреневаю от того, как уверенно он идет на кухню.

– Хочешь сделать хорошо – сделай сам. – отзывается он, споласкивая руки. – Зато мой отдел лучший во всем городе.

– Зато вас семья не видит. Все ради звания лучшего отдела?

– Все ради того, чтобы мерзости всякой было поменьше, – усмехается Николай, вытирая руки о полотенце, а я вижу на его кулаках новые ссадины.

– Дать пластырь? – киваю на них.

– Да не, до свадьбы заживет, – отмахивается он.

Щелкает кнопка закипевшего чайника. Протискиваюсь между мойкой и мужчиной, тянусь за чашками.

Внезапно чувствую, как горячие ладони ложатся мне на талию и сжимают ее. Дергаюсь и покрываюсь мурашками, когда Николай прижимается ко мне всем телом и, уткнувшись носом в волосы, шумно втягивает воздух.

– Как ты вкусно пахнешь. – выдыхает он с наслаждением и я жмурюсь, потому что перед глазами все плывет.

Нет! Нет, нет и нет!

16. Акт

Нет! Между нами ничего не может быть! У него жена! А у меня – целлюлит и противозачаточные трусы до сисек.

Только вдыхаю полной грудью, чтобы отбрить наглеца, как он сам отстраняется и помогает мне достать чашки, будто это и было его целью.

Только и могу, что обернуться и ошарашенно посмотреть в широкую спину. Николай отлично запомнил, где что лежит. Сам достает кофе и чайную ложку. Охреневаю от такой

самостоятельности.

– Название сказать? – фыркая и сажусь за стол, чтобы нарезать пирог.

– Чего? – задумчиво уточняет полковник, открывая холодильник и наливая мне молока в кофе.

– Духов.

– Фотографию пришли. На подарок закажу. – Николай ставит передо мной чашку и садится напротив, с интересом глядя на то, как я орудую ножом. – Уверенно нож держишь.

– В смысле? – усмехаюсь, прекращая резать.

– Знаешь, наверное, что не каждый может убить человека? – хмыкает полковник и берет кусок пирога. – Не все даже замахнуться нормально могут. Рука слабеет от волнения и из-за этого удар получается поверхностным. А у тебя не дрогнет. Страшная женщина.

– Да тьфу на вас! – сердито откладываю нож в сторону и беру свой кофе. – Вы семью такими же рассказами развлекаете?

– Бывает, – усмехается Николай. – Профдеформация.

– Давайте лучше о чем-нибудь приятном, – со вздохом тоже беру кусок пирога.

Он такой вкусный, что невозможно устоять.

– Давай. Такая жесткая хватка хороша не только для убийства.

Закатываю глаза.

– А для чего же еще? – уточняю с интересом.

Полковник лишь усмехается в кружку, но ничего на это не отвечает.

– Тебе ко сколько на работу?

– К девяти.

– Я тебя подкину.

– Спасибо, не стоит. – едва сдерживаю смешок. – Вы меня уже вчера до травмпункта подкинули.

Теперь очередь Николая с тяжелым вздохом возводить глаза к потолку.

– Кстати, передайте Ирине большое спасибо за пирог. – смотрю на него пристально, но он невозмутимо кивает в ответ.

Ничем не проймешь гада этого! Хотя, о чём это я, если он преспокойно целуется под окнами своей квартиры? У него, наверное, и на работе в каждом кабинете по даме сердца. Котяра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.